

Чемоданова Татьяна Вячеславовна

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В 1920-Х - НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.

В статье на материалах Нижнего Поволжья выясняется степень влияния обществоведческих дисциплин на формирование политических идеалов учащейся молодежи. Отражена специфика реализации текущих задач социалистического строительства (оборона страны, антирелигиозное и интернациональное воспитание) посредством общественно-политического воспитания детей в 20-х - начале 30-х гг. XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. IV. С. 207-210. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-4/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

поводу Д. Бортнянский изложил свои взгляды в «Проекте об отпечатании древнего российского крюкового пения». Ценность этого проекта в том, что при всеобщем увлечении западной музыкой Бортнянский указывает на источник, национально оформившийся, семь веков используемый в певческой практике России и имевший огромное воспитательное и эстетическое значение для духовного образования русского общества.

Таким образом, светская европейская музыкальная культура оказывает с середины XVII в. сильное влияние на русскую духовную музыку. В результате на первом этапе секуляризации в русской духовной музыке исчезает нарождавшаяся собственная традиция многоголосия и происходит постепенное вытеснение ее светской партесной традицией, происходит переход от знаменной к линейной европейской нотации. На втором этапе (XVIII в.) доминируют итальянские музыкальные образцы, создаются новые жанры (духовный концерт), сочетающие в себе черты светского и духовного начал. Однако так как духовная музыка неразрывно связана с богослужебным канонам, то преобладание светского в духовном не могло не вызвать внутренний культурный конфликт. В результате церковные композиторы уже в конце XVIII в. начали поиски путей синтеза знаменного и партесного пения, которые завершились созданием в XIX в. оригинальной русской школы церковной музыки, что, однако, является самостоятельной темой, которая требует раскрытия в отдельной публикации.

Список литературы

1. Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф. Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993. 256 с.
2. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. 261 с.
3. Музыкальная эстетика России XI-XVIII веков / сост. текстов А. И. Рогова. М.: Музыка, 1973. 244 с.
4. Панченко А. М. Церковная реформа и культура петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 3-16.
5. Сорокин П. А. Социокультурная динамика и эволюционизм // Американская социологическая мысль / под. ред. В. И. Добренкова. М.: Изд-во Международного ун-та бизнеса и управления, 1996. С. 372-392.

EARTHLY AND HEAVENLY: RUSSIAN SPIRITUAL MUSIC SECULARIZATION STAGES

Dmitrii Anatol'evich Tsyplakov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy
Novosibirsk State University
tsypl@ngs.ru

Svetlana Mikhailovna Tsyplakova, Ph. D. in Culturology
Department of Social-Cultural and Library Activity
Novosibirsk State Pedagogical University
nikitina_1973@mail.ru

The authors consider secular music influence on Russian spiritual-musical culture from theoretical and historical-cultural points of view, analyze innovative processes peculiarities in church-singing tradition in Russia of the XVIIIth century and explicate admissibility degree and the reason of attracting musical adoptions from West-European culture to Russian spiritual musical culture.

Key words and phrases: secularization; innovation; tradition; first Russian chants; part singing.

УДК 37(09)

В статье на материалах Нижнего Поволжья выясняется степень влияния обществоведческих дисциплин на формирование политических идеалов учащейся молодежи. Отражена специфика реализации текущих задач социалистического строительства (оборона страны, антирелигиозное и интернациональное воспитание) посредством общественно-политического воспитания детей в 20-х - начале 30-х гг. XX века.

Ключевые слова и фразы: обществоведческое образование; «новый человек»; антирелигиозное воспитание; интернациональное воспитание; коллективизм.

Татьяна Вячеславовна Чемоданова, к.и.н.
Отделение среднего общего образования
Астраханский государственный университет
tatyana250179@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В СИСТЕМЕ ШКОЛЬНОГО ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ В 1920-Х - НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.®

Октябрьская революция 1917 г. наряду с радикальными преобразованиями в сфере народного образования в целом принесла и иной взгляд на человека как проводника социальных реформ. Выступая на III съезде РКСМ в октябре 1920 г., В. И. Ленин констатировал, что «задачей всей жизни» молодого поколения

являлось строительство социалистического общества [8, с. 317]. Достигнуть поставленной цели представлялось возможным только путем создания «нового человека».

Целостной, детальной программы по формированию «идеальной личности» к моменту революции у партии не было. Она рождалась и корректировалась в ходе политических и социально-экономических реформ. Основные линии этого процесса наметились в марте 1919 г. в одобренной VIII съездом РКП(б) политической программе, а затем были закреплены в «Положении о единой трудовой школе РСФСР» и «Декларации о единой трудовой школе». Целью новой советской школы объявлялось политическое образование, побуждающее к «активному и творческому знакомству с миром, в процессе жизни и труда школьного коллектива» [9, с. 142-143].

Изначально человек рассматривался лишь как исходный материал для будущей «идеальной личности». Прежде всего, в идеале он виделся как коллективист с повышенным интересом к «жгучим» вопросам общественного и политического характера, положительно относящийся к советскому государственному и общественному строю, «с твердым материалистическим мировоззрением, творец новой жизни, борец за новый быт и рациональную постановку сельского хозяйства» [7, с. 60].

Реализация поставленной задачи требовала создания совершенно иной школьной среды и комплекса методов политико-идеологического воспитания, направленных на выработку психологического типа людей, с новым мироощущением и социальным поведением.

Мощным средством идеологического воздействия на подрастающее поколение стали обществоведческие дисциплины, поскольку с их помощью, как полагали партийные функционеры, дети смогут легко усвоить коммунистическую мораль, идеалы и ценности. По словам народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, «воспитательная задача не может проводиться при помощи какого-нибудь закона Божия или выдуманной этики, она проводится при помощи правильного преподавания истории и науки об обществе...» [11, д. 197, л. 134]. В июне 1928 г. на конференции преподавателей обществоведения школ II ступени отмечалось, что учителя общественно-исторических дисциплин должны «дать пример остальным педагогам, как, разрешая вопросы своих курсов, в то же время решать общую задачу, стоящую перед... школой - задачу подготовки коммунистического человеческого материала» [4, д. 538, л. 15]. Обществоведение превращалось из школьной научной дисциплины в универсальное воспитывающее средство. В его содержании первостепенное место отводилось доступным детям сведениям о современной социально-политической и трудовой жизни.

Процесс усвоения молодежью политических знаков и символов советской эпохи развивался довольно успешно. Детские представления насыщались посредством общественно-исторических дисциплин «революционными» идеалами. Исторические явления преподносились учителями обществоведения не в процессе их возникновения, развития и гибели, а как нечто абстрактное, «застывшее в своей эпизодичности». Так, в ходе обследования состояния преподавания обществоведения в школе «ФЗС Водников», Саратовской губернии, инспектора отметили, что «дети различали в своих ответах бедняка, середняка и т.д., но в большей степени теоретически» [6, с. 27].

Сохранилось множество свидетельств реальной политической безграмотности школьников. Например, при посещении уроков обществоведения немецкой школы-девятилетки № 5 г. Саратова инспектора регионального губернского отдела народного образования (губоно) выяснили, что учащиеся младших групп не знали, что такое «горсовет», кого лишают права голоса и, самое поразительное, - не представляли, сколько лет прошло со дня Октябрьской революции [Там же].

Приоритетными направлениями в общественно-политическом воспитании детей в 1920-х - начале 1930-х гг. стали: оборона страны, антирелигиозное и интернациональное воспитание. На обществоведение возлагалась ведущая роль в деле увязки текущих задач социалистического строительства со всей учебно-воспитательной работой школы. В письме Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) ко всем губернским отделам народного образования от 22 августа 1928 г. отмечалось, что «школа должна использовать героические настроения подросткового возраста молодежи, чтобы воодушевить и зажечь их творческими устремлениями и жаждой борьбы в защиту октябрьских завоеваний». А для этого необходимо «систематически в процессе всей школьной работы давать учащимся правильное освещение происходящих событий как внутри страны, так и за её рубежом» [10, с. 8]. Примером исполнения данного указания в регионах стало то, что в программы по обществоведению для 8 и 9 групп школ II ступени в Астраханской губернии вкраплялись военные знания, дабы показать «неизбежность для империализма новых войн» и для «ясного представления тех задач, которые ставят перед собой в связи с угрозой военной опасности СССР и Коминтерн» [2, д. 3343, л. 7]. В Калмыцкой автономной области в целях реализации плана патриотического воспитания на уроках обществоведения рекомендовали использовать сведения из истории организации первого калмыцкого революционного полка и биографии выдающихся красных партизан, городовиков, джалыков и т.д. [18, с. 22].

В ряде школ интернациональное воспитание проводилось через Международное общество помощи революционерам (МОПР). Так, в Николаевской школе I ступени Сталинградской губернии периодически устраивались беседы об узниках капитала, учащиеся участвовали в сборах средств для зарубежных пролетариев, отправляли письма их детям, организовывали интернациональные вечера [5, д. 1917, л. 31].

В то же время в присылаемых с мест отчетов инспекторов народного образования довольно часто отмечались и недостатки в интернациональном воспитании. Например, анкетирование, проведенное в 1929 г. в саратовской школе «ФЗС Водников», показало, что при наличии среди детей скрытого антисемитизма

школа на интернациональное воспитание особого внимания не обращала [19, д. 116, л. 32]. Случаи проявления межнациональной розни в учебных заведениях отмечались в отчетах, поступавших в Наркомпрос РСФСР из Калмообласти. Среди них - конфликт между учащимися эстонцами и калмыками в Большом Дербенте, аймакизм, улусизм (разделение калмыков на «дербетов», «торгутов», «будавов») [18, с. 18]. В Сталинградской фабрично-заводской семилетке № 8 им. КИМ были отмечены факты «издевательств группы школьников над ученицей Мадер, носящие характер антисемитизма, избивание школьников, кулачные расправы с учащимися, угрозы зарезать» [1, с. 9-10].

Существенной помехой на пути формирования марксистского мировоззрения у детей являлась религия. Одним из первых мероприятий Советского правительства явилось упразднение влияния церкви на школьное обучение и воспитание молодого поколения. С этой целью 11 декабря 1917 г. было обнародовано постановление Наркомпроса «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Народно-го комиссариата по просвещению», а 20 января 1918 г. - декрет СНК РСФСР «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», согласно которому церковь отделялась от государства и школы. Преподавание религиозных вероучений запрещалось во всех учебных заведениях [9, с. 12-13].

В начале 1920-х годов вопрос религиозности детей не был столь острым для общеобразовательной школы. Особенно жесткого подхода к её искоренению на уроках в это время не наблюдалось. Как архивные документы, так и публикации в педагогической периодике говорили, скорее, о необходимости бороться с религиозными предрассудками, нежели предлагали какие-либо жесткие меры. Вскоре Наркомпрос РСФСР изменил установку на воспитание «воинствующих атеистов». Для губерний Нижнего Поволжья в 1929 г. была составлена примерная схема увязки антирелигиозных моментов с программой ГУСа по обществоведению. В объяснительной записке к ней говорилось, что задачей этой дисциплины являлось «разоблачение классовой сущности религии, пробуждение в учащихся стремления к борьбе с ней и вооружение их для этой цели материалистическим мировоззрением» [16, с. 67]. Таким образом, обществоведов обязали взять на себя функции по созданию системы антирелигиозного воспитания в школе. Они должны были помочь преподавателям других дисциплин в совмещении естественно-научной стороны их предмета с социальной.

Антирелигиозная работа в учебных заведениях Нижнего Поволжья не была полной и плановой. Процесс пересмотра своих религиозных представлений у школьников шел довольно сложно и у значительной их части сопровождался сомнениями, переживаниями и противоречиями во взглядах. Свидетельством тому служат высказывания самих детей о религии и чтении религиозной литературы: «Я читаю священные книги, чтобы сравнивать их с антирелигиозными произведениями», «Читаю изредка и то с той целью, чтобы больше себя уверить в неправде священного писания», «В церковь хожу из-за боязни огорчить родителей» [17, с. 60-61] и т.п. В отчетах губоно г. Саратова за 1923 г. указывалось, что преподавание религии имело место в четырех мусульманских школах Хвалынского и Петровского уездов [3, д. 499, л. 33].

К концу 1929 г. с целью устранения накопившихся недостатков Нижневолжский краевой совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов провел ряд мероприятий по налаживанию в школах антирелигиозного воспитания. При научно-методическом совете создали специальную антирелигиозную комиссию с широким представительством общественных учреждений, организовали антирелигиозную выставку в музее народного образования г. Саратова, разработали списки антирелигиозной литературы для школ региона. Учебным заведениям были даны указания об открытии кружков безбожников и разработки для них программ.

В целом огромная работа по политическому воспитанию молодежи в период 1920-х - начала 1930-х гг. положила начало созданию модели обществоведческого образования, нацеленной на формирование «нового человека» в духе принципов социалистического гуманизма, коллективизма, патриотизма и пролетарского интернационализма. В то же время обществоведческое образование было весьма односторонним. Из всего необъятного богатства российской и мировой культуры учащиеся учились ценить лишь марксизм и революционную историю в очень искаженном, идеологизированном, догматическом виде.

Список литературы

1. Бюллетень Сталинградского отдела народного образования. Сталинград: Тип. Школы глухонемых, 1932. 16 с.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1362. Оп. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-1575. Оп. 1.
4. Там же. Оп. 10.
5. Там же. Ф. А-2306. Оп. 70.
6. Грудцын П. В. Черновые записки по саратовским школам // Нижне-Волжский просвещенец. 1929. № 3 (7). С. 26-30.
7. Девятков В. И., Михайлов К. В., Назарова Н. В. Антирелигиозная работа в школах 1 ступени применительно к программам ГУСа // Там же. 1928. № 3. С. 59-74.
8. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи // Собр. соч.: в 55-ти т. М.: Политиздат, 1964. Т. 41. С. 298-318.
9. Народное образование в СССР: сборник документов 1917-1973 гг. М.: Педагогика, 1974. 559 с.
10. О воспитательной и образовательной работе трудовой школы // Еженедельник Наркомпроса. 1928. № 36. С. 7-8.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 142. Оп. 1.
12. Слезин А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х годов // Вопросы истории. 2005. № 9. С. 129-136.
13. Слезин А. А. Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи в начале 1920-х годов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (3). С. 92-98.

14. Слезин А. А. Политический контроль среди молодежи 1920-х годов: победы на «фронте повседневности» // Там же. Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9). Ч. 2. С. 179-184.
15. Слезин А. А. Политическое просвещение молодежи 1920-х годов как звено системы политического контроля // Политика и общество. 2010. № 3. С. 52-59.
16. Соколов В. П., Шлапак П. Д., Девятков В. И., Гришин П. И. Примерная схема увязки антирелигиозных моментов с программой ГУСа // Нижне-Волжский просвещенец. 1929. № 1-2 (5-6). С. 67-72.
17. Степухин Ф. Деда, отцы и внуки // Народный учитель. 1926. № 1. С. 60-71.
18. Сусеев А. Организация общественно-политического воспитания в школах I ступени Калмобласти. Элиста: Красный калмык, 1930. 40 с.
19. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 55. Оп. 1.
20. Шевченко В. А. Переход от безрелигиозного воспитания к антирелигиозному: 1927-1929 гг. // Новый исторический вестник. 2007. № 16. С. 207-213.

STUDENTS' POLITICAL EDUCATION IN SCHOOL SOCIAL SCIENCE SYSTEM IN THE 1920S - THE BEGINNING OF THE 1930S

Tat'yana Vyacheslavovna Chemodanova, Ph. D. in History
Department of Secondary General Education
Astrakhan' State University
tatyana250179@mail.ru

The author reveals the degree of social science disciplines influence on the formation of students' political ideals by the materials of Low Volga region and reproduces the specificity of the realization of the current tasks of socialist formation (country defense, anti-religious and international education) by means of children's social-political education in the 20s - the beginning of the 30s of the XXth century.

Key words and phrases: social science education; "new human being"; anti-religious education; international education; collectivism.

УДК 93/94

Статья посвящена проблемам трансформации взаимоотношений государственной власти и церковного управления во второй половине XVII в., особенно в части правовых, имущественных и межличностных связей. Рассматривается отношение высшего церковного руководства в лице патриарха Никона к политике государства в части ограничения независимости Русской Церкви от контроля государственной власти.

Ключевые слова и фразы: взаимоотношения государства и Церкви в XVII в.; Соборное Уложение 1649 г.; Русская Православная Церковь (РПЦ); патриарх Никон; Монастырский приказ; ограничение церковного землевладения.

Владимир Дмитриевич Черных

Кафедра истории и политологии

Воронежская государственная технологическая академия

marselles2006@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЖЕНИЯХ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 Г.®

Статья выполнена по государственному контракту П-313 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд от 28 июля 2009 г.

Проблема церковно-государственных отношений наиболее остро проявила себя в период усиления самодержавного начала в Московском государстве XVII в. Московская Русь видоизменяла принципы и механизмы своего государственно-политического устройства и церковно-государственного взаимодействия, последовательно проникая в церковное управление, нередко вмешиваясь во внутренние церковные вопросы.

Стратегической составляющей политики русского правительства было стремление подчинить церковное руководство системе государственной централизации. Однако до тех пор, пока финансовая составляющая церковной жизни, ее материальная основа оставались неприкасаемыми, самостоятельность Церкви была нерушима. Именно на эту составляющую жизни Церкви претендовало новое законодательство, принятое при царе Алексее Михайловиче в 1649 году, названное «Соборным Уложением».

Составление Уложения было поручено комиссии, состоявшей из князей и бояр Н. И. Одоевского, С. В. Прозоровского, окольничего князя Ф. Ф. Волковского, дьяков Ф. Грибоедова и Г. Леонтьева [6, с. 128].